

УДК 327.8 (510):(5-191.2)

**ПОЛИТИКА КНР В ПОСТСОВЕТСКОМ СЕГМЕНТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
РЕШЕНИЕ ПОГРАНИЧНОГО ВОПРОСА**

И.В. Халанский

Рассматривается политика КНР, направленная на делимитацию границы с постсоветскими государствами Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; КНР; ШОС; Казахстан; Киргизия; Таджикистан; граница; делимитация.

**CHINA POLICY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA SEGMENT:
DECISION OF BORDER**

I.V. Khalanskey

It is devoted to the policy of the PRC aimed delimitation post-Soviet states of Central Asia.

Key words: Central Asia; China; the SCO; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Tajikistan; border delimitation.

Сразу после распада СССР, в начале 1992 г., Китай одним из первых объявил о признании новых государств Центральной Азии и 2–6 января последовательно установил дипломатические отношения с Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. С самого начала Пекин взял курс на скорейшее решение проблемных вопросов, затрагивающих интересы безопасности Китая, сделав ставку на развитие сотрудничества с Россией, которая имела огромный исторический опыт присутствия в ЦА.

В формировании межгосударственных отношений КНР руководствуется пятью принципами мирного сосуществования, которые выдвинул в декабре 1953 г. Премьер Госсовета Китая Чжоу Эньлай в беседе с делегацией Индии: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Принципы мирного сосуществования вошли в Конституцию КНР 1982 г., став основополагающими установками, которыми руководствуется КНР, устанавливая и развивая отношения со всеми странами мира [1].

Основой региональной политики КНР является концепция Дэн Сяопина “закрыть прошлое, открыть будущее”, а также наказы из 24 иероглифов: “хладнокровно наблюдать, сдержанно реагировать, твердо проводить курс, скрывать возможности и выигрывать время, никогда не пытаться лидиро-

вать, всегда быть способным добиваться некоторых результатов” [2].

Современной концепцией, отражающей основы региональной политики КНР, являются принципы мирного сосуществования, которые Китай придерживается в отношениях с государствами ЦА. “Первый принцип “дружить с соседями” означает заявления о стремлении к формированию дружественных отношений со всеми соседними государствами. Второй принцип “дать соседям чувство успокоения” подразумевает, что находясь рядом государства должны чувствовать себя спокойно и безопасно. Третий принцип “помогать соседям богатеть” заключается в том, что Китай в процессе собственного быстрого экономического роста должен помогать соседним государствам, чтобы они так же могли извлечь выгоду из этого. Применительно к более слабым государствам региона эти принципы особенно уместны” [3].

На основе концепции была проведена нормализация отношений КНР с Россией, а также осуществлено признание независимости и установление дипломатических отношений со всеми странами ЦА. В первую очередь, Китай незамедлительно выступил с инициативой возобновления переговоров по погранично-территориальным проблемам, начатым еще в период существования Советского Союза. Для китайского руководства было очевидным, что фундаментальные основы безопасности, целостности и неприкосновенности территории КНР будут

обеспечены только тогда, когда будут окончательно определены, четко обозначены и юридически закреплены государственные границы Китая.

Границы Китая с Российской Империей общей протяженностью почти в 7500 км формировались несколько веков и в основном были определены лишь к концу XIX в. Так, пограничный конфликт Российской державы с Цинским Китаем в XVII в. завершился подписанием Нерчинского договора 12 августа 1689 г., который установил порядок разрешения возможных пограничных столкновений между двумя странами и способствовал развитию мирных взаимоотношений. Согласно Айгунскому договору, подписанному 16 мая 1858 г., левый берег Амура от впадения в него реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения реки Уссури в Амур и до моря оставался в общем владении с Китаем. В 1858 г. был подписан Тяньцзиньский договор, в 1860 г. – дополнительный Пекинский, которые подтвердили и уточнили Айгунский договор.

Однако китайские власти неоднократно выражали несогласие с линией прохождения границы и предъявляли территориальные претензии в начале Царской России, затем – Советскому Союзу. Спорными считались участки на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Средней Азии и Казахстане. Только в середине 80-х гг. XX в. политические перемены, происходившие в Советском Союзе и Китае, привели вначале к смягчению позиций Москвы и Пекина, а затем и достижению соглашения по участкам границы на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Однако принятие окончательного решения по западным (среднеазиатским и казахстанским) участкам советско-китайской границы, на которую приходилось около 3 200 км, было прервано распадом СССР.

Наличие неделимитированных участков границы, спорных территорий и отсутствие соответствующей договорно-правовой базы между Китаем и новыми государствами ЦА вызывали у Пекина обоснованное беспокойство данной ситуацией, так как она могла привести к возникновению пограничных конфликтов [4]. Одновременно Китай хотел воспользоваться “благоприятной” обстановкой, возникшей после распада СССР, для достижения максимальной выгоды для себя при решении погранично-территориальных споров. Китай издавна придерживался концепции, согласно которой земли, хоть раз входившие в состав Великоханьского государства или находившиеся в любой степени зависимости от него, считались неотъемлемой частью его территории. Если в процессе исторического развития данные земли приобретали самостоятельность или входили в состав других государств, они рассматривались как “временно

утраченные” территории. В Пекине полагали, что Царская Россия по “неравноправным” договорам “отторгла” значительные китайские земли, и Советский Союз еще присвоил себе ряд земель общей площадью около 33 тыс. кв. км.

Уже в первой половине 1992 г. Китай инициирует двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния практически выпал из переговорного процесса) по линии прохождения границы и спорным территориям. Параллельно Пекин согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. В сентябре 1992 г. в Минске была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула “4+1”). В ходе переговоров были подтверждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. В последующем Китай зафиксировал с каждой из стран это положение в двусторонних соглашениях.

Первым из государств ЦА, с которым Пекину удалось в целом урегулировать погранично-территориальные проблемы, стал Казахстан, имеющий с Китаем наиболее протяженную границу – около 1740 км. 26 апреля 1994 г. между КНР и Казахстаном был заключен договор “О казахстано-китайской государственной границе”, который определил линию прохождения границы на всем ее протяжении, за исключением двух участков – в районе р. Сары-Чельды (бывшая Алмагинская область) и перевалов Чаган-Обо и Баймурза (бывшая Семипалатинская область). Спор шел о 944 кв. км казахстанской территории. Лишь в сентябре 1997 г. было подписано дополнительное соглашение о границе, а 10 марта 1999 г. парламент Казахстана его ратифицировал. Тем самым был завершен процесс делимитации. В соответствии с соглашением, 407 кв. км спорной территории отошли Китаю, а 537 кв. км – остались у Казахстана. При этом Казахстан беспрекословно выполнил требование Пекина по ликвидации инженерно-фортификационных сооружений на границе, возведенных при СССР в качестве оборонительной системы против возможной агрессии со стороны Китая.

Двусторонние консультации между Пекином и Бишкеком по пограничным вопросам начались в 1992 г. До 1996 г. Китаю и Кыргызстану частично удалось согласовать линию границы протяженностью более 1000 км. Наиболее сложными в ходе переговоров оказалось обсуждение спорных участков в районе перевала Бедель (водозбор р. Узенгю-Кууш) и пика Хан-Тенгри. 4 июля 1996 г. Кыргызстан и Китай подписали соглашение “О кыргыз-

ско-китайской государственной границе”, а 17 марта 1998 г. парламент Кыргызстана его ратифицировал. Спорные участки вошли в соглашение с особым статусом, по которому Пекин и Бишкек договорились продолжить переговоры. Дополнительное соглашение “О кыргызско-китайской государственной границе” было подписано руководством двух стран 26 августа 1999 г. в Бишкеке. На основании данного соглашения, касающегося отдельных участков границы, было достигнуто следующее: от спорного Бедельского участка площадью 2840 кв. км. Китаю отошло около 900 кв. км.; от участка, прилегающего к пику Хан-Тегри – 161 кв. км из 450 кв. км; участок Боз-Амир-Ходжент площадью 20 га отдан полностью. Таким образом, Кыргызстан хоть и не значительно, но уступил ряд территорий Китаю.

Территориальные уступки Китаю были использованы оппозиционными политическими силами Кыргызстана против президента А. Акаева. После смены власти в марте 2005 г. [5] новое руководство не раз выражало желание пересмотреть подписанное экс-президентом страны А. Акаевым территориальное соглашение с Китаем. В Пекине к подобной перспективе относились с большой долей осторожности, полагая, что достигнутые ранее на государственном уровне договоренности не могут быть пересмотрены в случае смены руководства страны. Кроме того, Китай был готов пересмотреть условия действующих между двумя странами договоренностей в экономической и социальной сферах, в случае если бы Бишкек предпринял какие-либо недружественные по отношению к Пекину действия. Поэтому в ходе государственного визита в Китай 9–10 июня 2006 г. Президент Кыргызстана К. Бакиев и Председатель КНР Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, согласно которой все пограничные споры между Кыргызстаном и Китаем решены окончательно и никакого пересмотра ранее подписанных документов в этой области не будет.

Наиболее длительным по времени для Пекина оказалось решение погранично-территориальных проблем с Таджикистаном, где Китай претендовал на значительную часть Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Из-за гражданской войны в Таджикистане Пекин долго не мог окончательно урегулировать с Душанбе вопрос о прохождении общей границы протяженностью 519 км. Только в 1999 г. между двумя странами было подписано соглашение “О таджикско-китайской государственной границе”, согласно которому Таджикистан сохранял полную юрисдикцию над спорным участком в районе перевала Карзак, но уступал Китаю около 200 кв. км другого участка близ реки Маркансу. В мае

2002 г. было подписано дополнительное соглашение “О демаркации границы и урегулировании территориальных споров”, согласно которому Таджикистан согласился передать Китаю одну тысячу кв. км спорных территорий в ГБАО. А уже в мае 2004 г., в соответствии с подписанным правительствами Китая и Таджикистана соглашением, открылся первый контрольно-пропускной пункт на китайско-таджикской границе – КПП “Карасу” [6].

Распад СССР сформировал вблизи западных границ КНР новую геополитическую ситуацию, которая достаточно неоднозначно была воспринята в Пекине. С одной стороны, крах Советского Союза открывал перед Китаем новые возможности в плане расширения своего присутствия в Центральной Азии. С другой стороны, в Пекине, безусловно, понимали, что формирование обстановки в данном сегменте постсоветского пространства будет сопровождаться болезненными процессами, которые в совокупности с унаследованными проблемами советско-китайского периода могут негативно сказаться на безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и КНР в целом.

И до настоящего времени Китай рассматривает ситуацию в ЦА не только в качестве новых для себя перспектив, но и как комплекс потенциальных угроз собственной безопасности. Динамика происходящих в Центральной Азии и вокруг нее процессов обуславливает постоянную корректировку Пекином критериев оценки возникающих в регионе угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них.

Рассматривая развитие ситуации в ЦА в контексте потенциальных угроз безопасности КНР, следует условно выделить три ключевых фактора: распад СССР; нестабильность в Афганистане; усиление присутствия США. Распад Советского Союза и образование новых независимых государств коренным образом изменило расстановку сил в Центрально-азиатском регионе и вокруг него, что само по себе стало дестабилизирующим фактором для Китая, непосредственно граничащего с тремя центрально-азиатскими странами – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Негативное для Пекина развитие событий могло быть вызвано как проблемами, унаследованными от периода советско-китайских отношений, так и появлением новых угроз, обусловленных изменением геополитической ситуации в ЦА. В этих условиях для Китая было важнее всего не допустить возникновения на своих западных границах очагов напряженности и обострения ситуации в СУАР. Поэтому наибольшую озабоченность у Пекина вызывали первостепенные потенциальные угрозы: неурегулированность погранично-территориальных вопросов; высокий уровень военного

присутствия в приграничных районах; рост проявлений уйгурского сепаратизма.

Вопрос снижения уровня военного присутствия в приграничных районах решался параллельно с погранично-территориальными проблемами в рамках рабочей группы формата “4 + 1”. Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан уже в рамках “Шанхайской пятерки” договорились об ограничениях, налагаемых на любые военные маневры в приграничных районах, и о необходимости информировать друг друга о действиях войск в пределах 100 км от границы. “В целом достигнутые договоренности позитивно стимулировали, во-первых, процесс урегулирования пограничных вопросов; во-вторых, расширение сотрудничества Китая с центральноазиатскими государствами; в-третьих, формирование стратегического альянса между Пекином и Москвой” [7].

В 2000 г. на постсоветском пространстве обозначилась устойчивая тенденция по дальнейшему сближению Пекина и Москвы, что было основано на близости оценок ситуации в ЦА и в мире в целом [8]. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала ШОС и придания ей большего международного веса [9]. В 2004–2005 гг. в состав организации на правах наблюдателей вошли Монголия, Иран, Пакистан, Индия и в 2012 г. – Афганистан. В 2009–2012 гг. на правах партнёра по диалогу к ШОС присоединились Шри Ланка, Белоруссия и Турция [10]. При этом заявка США на вступление в ШОС в качестве наблюдателя даже не рассматривалась. Одновременно Пекин взял курс на развитие политической и экономической составляющих ШОС: вестороннее углубление отношений с государствами ЦА за счет поддержки политических режимов и участия в крупных экономических проектах.

В настоящее время проблема делимитации границ между КНР и государствами ЦА в принципе считается решенной. Однако, как представляется, вопрос о принадлежности спорных приграничных территорий и, соответственно, прохождения границы при определенных обстоятельствах может стать причиной межгосударственных противоречий и нести угрозу стабильности в регионе. Тенденция роста населения КНР и, в частности СУАР, в сочетании с сохраняющейся в китайском обществе исторической памятью об “утраченных северных территориях”, не позволяет не учитывать вероятность предъявления в не далеком будущем новых территориальных претензий Китая к своим центральноазиатским соседям.

Принимая во внимание современный характер развития ситуации внутри и вокруг Центральной Азии, представляется крайне важным дальнейшее

повышение мер доверия между странами-членами ШОС, формирование более устойчивых механизмов безопасности, в том числе путем использования в этих целях экономических инструментов. В этом плане особого внимания заслуживают меры по формированию и развитию кооперации России и стран Центральной Азии с Китаем, региональной экономической интеграции между РФ и ЦА, а также взаимовыгодной и долгосрочной схемы водного и энергетического взаимодействия. Отсутствие “прорывов” по этим стратегическим направлениям экономического сотрудничества будет значительно повышать шансы реализации неблагоприятных сценариев развития ситуации в регионе и вокруг него, в результате чего тезис об “окончательном решении проблемы границ” между КНР и ЦА может быть поставлен под сомнение.

Литература

1. Внешняя политика Китайской Народной Республики // Очерк о Китае. Изд-во “Синьсин”. 16.11.2012. // URL: <http://abirus.ru/content/564/623/627/634/11272.html>
2. Дэн Сяопин. Избр. соч. / Дэн Сяопин. Пекин, 1993. Т. 3. С. 320–321.
3. Китайский фактор во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / под общ. ред. А.А. Салиева. Бишкек, 2009. С. 103.
4. Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире / Л.И. Сумароков. Бишкек, 2006. С. 181–203.
5. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии / А.А. Князев. Алматы; Бишкек, 2005. С. 119–155.
6. Парамонов В. Погранично-территориальные проблемы в китайско-центральноазиатских отношениях / В. Парамонов, О. Столповский // Геополитика. КНР в Центральной Азии: сб. стат. М., 2009. Ч.1. С. 8–9.
7. Столповский О.А. Интересы Китая по обеспечению безопасности в Центральной Азии / О.А. Столповский // Мировая политика: взгляд из будущего: мат-лы V конвента РАМИ. Т. 5. Будущее стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии. М.: Изд-во МГИМО, 2009. С. 109.
8. Ивэй Ван. Начало конца западной гегемонии идей / Ван Ивэй // Жэньминь жибао. 2013. 19 марта // URL: <http://www.imperiya.by/comments3-15845.html>
9. Чжао Хуашэн. ШОС и соотношение великих держав на фоне новой ситуации в регионе ЦА / Хуашэн Чжао // Analytic. 2003. № 1. С. 3.
10. Зиберт Т. Анкара готова поменять Евросоюз на ШОС / Т. Зиберт, В. Волков // URL: <http://www.dw.de/a-16576158/05-02-2013/>